

ПОСЛЕДСТВИЯ БЛИЖАЙШИЕ И ОТДАЛЕННЫЕ

Результаты опричнины были трагичны для страны. Начнем с тех ее непосредственных последствий, которые уже в последние годы опричнины и в первые годы после ее отмены ощутили миллионы русских людей, имевших несчастье быть современниками царя Ивана. 70-80-е годы XVI века - время тяжелого экономического кризиса. Деревни и села центра страны и значительной части северо-запада, Новгородской земли, запустели. Крестьяне разбежались: кто на новые земли Поволжья (именно тогда русский крестьянин осваивал территории вокруг Тамбова, Саратова, Самары, Симбирска и т.д.), кто в Приуралье, кто на юго-запад - к Туле, Курску, Орлу.

Масштабы запустения позволяют представить себе писцовые книги. Это были документы, в которых в налоговых целях и для закрепления права собственности подробно описывалось каждое феодальное владение, там отмечали количество и *"пашни паханой"* и *"перелога"* (необрабатываемой пахотной земли), крестьянских и холопских (*"людских"*) дворов, населенных и заброшенных, лугов, лесов и т.д. Дошли до нас они далеко не в полном объеме, но все же дают ценный материал для историка.

Писцовые книги, составленные в первые десятилетия после опричнины, создают впечатление, что страна испытала опустошительное вражеское нашествие. "В пусте" лежит не только больше половины, но порой до 90 процентов земли, иногда в течение многих лет. Даже в центральном Московском уезде обрабатывалось всего около 16 процентов пашни. Часты упоминания *"пашни-перелога"*, которая уже *"кустарем поросла"*, *"лесом-рощей поросла"* и даже *"лесом поросла в бревно, в кол и в жердь"*: строевой лес успел вырасти на бывшей пашне. Многие помещики разорились

настолько, что бросили свои поместья, откуда разбежались все крестьяне, и превратились в нищих - *"волочились меж двор"*.

Конечно, в этом страшном разорении повинна не только опричнина, иногда мы имеем дело лишь с косвенными ее последствиями. Дело в том, что в годы опричнины резко вырос налоговый гнет. 100 тысяч рублей, которые Иван IV взял с земщины за свой "подъем", были только началом. Нельзя, впрочем, забывать и о том, что в 1570-1571 годах в России свирепствовала эпидемия чумы, унесшая множество человеческих жизней. Ее, разумеется, не поставишь в счет опричнине.

И все же роль опричнины в запустении была исключительно велика. Материал для суждений об этом дают нам книги *"обысков"*, расследований о причинах запустения тех или иных сел и деревень Новгородской земли. В некоторых случаях причиной гибели или бегства крестьян называют *"немцев"* - шведские войска, вторгшиеся в ходе Ливонской войны на часть территории Новгородской земли. Но куда больше записей такого рода: *"...опричнинные на правежи замучили, дети з голоду примерли"*, *"опричнина живот пограбелли, а скотину засекали, а сам умер, дети безвесно збежали"*, *"опричиннии замучили, живот пограбелли, дом сожгли"*. Часто оказывается, что запустение наступило и от *"царевых податей"*, то есть в конечном счете от той же опричнины, которая резко усилила налоговое ярмо.

Разумеется, Новгородская земля подверглась особому погрому, но сведения такого рода сохранились и по другим районам. Так, в Двинской земле страшному разгрому подверглись несколько волостей, где собирал недоимки опричник Басарга Леонтьев. Басарга был опытен: недаром накануне опричнины он был главным начальником над тюрьмами Москвы. Через несколько лет в официальных документах писали, что волости запустели *"от гладу, и от мору, и от Басаргина правежу"*. В 90-х годах XVI века один из феодалов вспоминал в своем завещании, что его село и деревню в Ружском уезде *"опришницы розвозили, и та земля стояла в пусте лет з двацеть"*.

Народные бедствия усугублялись вдобавок к эпидемиям и бесчинствам опричников и неурожаем, *"хлебным недородом"*. Его причины крылись не только в неблагоприятной погоде, но и в невозможности спокойно вести хозяйство в условиях мобилизаций крестьян для обозной повинности в войсках, грабежей и насильственных экспроприаций. Крестьянское хозяйство лишалось резервов, и первый недород нарушал неустойчивое равновесие. Начался голод, стала массовой смертность.

"Из-за кусочка хлеба человек убивал человека, - пишет Штаден. - А у великого князя по дворам в его подклетных селах (личные села царя. - В. К.)... стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах. Но он не хотел

продавать его своим подданным, и много тысяч людей умерло в стране от голода".

Это не клеветнические рассказы недоброжелательного иностранца. О голоде единодушно твердят все источники. Вот цитаты из русских летописцев: *"Глад... велик"; "Недород был великой хлебного плоду"; "Мор был силен по всей Русской земли"; "Мор и глад"*. Еще один текст, уже не из летописца, а из челобитной властей Троице-Сергиева монастыря: *"Крестьяня от глада и от поветрея (эпидемии. - В. К.) вымерли"*.

Летописям вторят бесстрастные материалы земельных описаний. В некоторых *пятинах** Новгородской земли количество пустых дворов, в которых не осталось жителей, превышало 90 процентов. Во всей Новгородской земле осталась всего лишь пятая часть населения. К тому же возросли подати, а цены на хлеб подскочили в 4 раза. Так что можно согласиться с псковским летописцем, который лаконично подвел итог: *"Царь учиниша опричнину... И от того бысть запустение велие Руской земли"*.

* Новгородская земля делилась на пять крупных административных единиц - пятин.

Это опустошение страны сыграло значительную, если не решающую роль в утверждении крепостного права в России. Когда в 1581 году царь Иван временно запретил крестьянам переходить от одного владельца к другому даже в Юрьев день (26 ноября), он, должно быть, думал не о введении крепостного права, а о поисках выхода из сложившегося благодаря его же действиям кризисного положения. Искал же он этот выход на путях привычных ему командных методов. Крестьяне бегут? Так приказать, чтобы не бегали, а сидели на своих местах, там, где записаны в писцовые книги. Это ход рассуждений, популярный даже в нашу просвещенную эпоху, обычная попытка лечить симптом вместо болезни, вызванная святой и наивной верой в силу приказа.

От непосредственных результатов опричнины обратимся к ее отдаленным последствиям, к тем, которые сказались на жизни не одного поколения, да, пожалуй, продолжают сказываться кое в чем и сегодня.

Опричнина прежде всего утвердила режим личной власти. В. И. Ленин, характеризуя русское самодержавие, писал, что оно *"азиатски-дико"*, что *"много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков"**.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 10.

Разумеется, не только опричнине обязано отечественное самодержавие своим особо деспотическим характером. Автор уже обращал внимание

читателя на деспотические черты в правлении Ивана III и Василия III. Но опричнина усилила и закрепила эти элементы деспотизма в русской монархии. Путь форсированной централизации без достаточных экономических и социальных предпосылок был осуществим только при условии неслыханного усиления личной власти царя. Свою реальную слабость власть пыталась компенсировать жестокостью, создавая не четко работающий аппарат государственной власти, обеспечивающий выполнение правительственных предначертаний, а аппарат репрессий.

Вряд ли случайно и то, что утверждение крепостного права в России началось в послеопричные годы. На нынешнем уровне научного знания трудно ответить однозначно на вопрос, существовала ли для России реальная возможность избежать крепостничества. С одной стороны, крепостничество - вовсе не обязательный этап развития феодальных отношений. Многие страны прошли через феодализм, не зная закрепощения крестьянства; в еще большем числе стран крепостное крестьянство существовало только на ранних стадиях развития феодальных отношений и составляло лишь небольшую часть всех феодально-зависимых крестьян. Однако с другой стороны, в восточной части Германии, в Чехии, Венгрии, Польше, Великом княжестве Литовском, короче, по определению Ф. Энгельса, восточнее Эльбы в XV-XVI веках возникает крепостничество. Можно сомневаться, чтобы Россия оказалась исключением, как, впрочем, нельзя и отвергать с порога эту возможность: чтобы прийти к определенному, научно достоверному выводу, нужны еще новые серьезные исследования. Но в любом случае в установлении крепостного права серьезную роль сыграла опричнина. Выше уже обращалось внимание на то, что хозяйственное разорение страны в результате опричнины как бы спровоцировало переход к крепостничеству. Но существенно и другое соображение: без террористической, репрессивной власти загнать крестьян в крепостное ярмо трудно.

Однако вне зависимости от того, было ли крепостное право неизбежным, оно не было прогрессивным. Ведь оно, даже если отвлечься от моральной оценки, консервировало феодализм и задерживало возникновение, а затем и развитие капиталистических отношений. Крепостничество было мощным тормозом развития нашей страны. Само по себе установление крепостного права в Восточной Европе было, возможно, некоей реакцией феодального общества на возникновение капиталистических отношений в сопредельных странах, иммунной реакцией отторжения.

В нашей стране крепостное право приняло в конце концов отвратительные рабовладельческие формы: крестьянин оказался прикрепленным не столько к земле, сколько к личности феодала; не существовало никакой государственно-правовой регламентации отношений

феодала и крепостных. Думается, эти особенно уродливые формы развития крепостничества во многом вызваны опричниной. Так ли это? Ведь такие формы крепостное право в нашей стране приняло значительно позже, в конце XVII, а то и в XVIII веке, а в XVI веке крестьянин еще был прикреплен только к земле, а не к ее владельцу. Так стоит ли и в этом винить опричнину, у которой и без того много на счету? Стоит. Речь здесь идет об одном из отдаленных последствий опричнины.

Дело в том положении, в котором оказался в результате опричнины русский господствующий класс. Грозненский террор и установившийся деспотический режим завершили превращение русских дворян в холопов самодержавия. На первый взгляд - не наша печаль. Что нам до бедствий эксплуататоров?

Однако в истории слишком много взаимосвязано, чтобы можно было пренебречь интересами какой-то социальной группы без ущерба для всего общества. Ведь государев холоп не может не быть деспотом по отношению к своим крестьянам, всегда будет стремиться превратить их в своих холопов. Раб не терпит ниже себя свободных или хотя бы полусвободных людей. Приниженное, закрепощенное положение русского дворянства привело к еще большим закрепощенности и приниженности крестьянства. Только через два века, после петровских реформ, в екатерининское время появилась дворянская интеллигенция, вошло в жизнь, по словам Н.Я. Эйдельмана, первое поколение *"непоротых дворян"*, которые и стали создавать высокую культуру, частью пошли в декабристы. Но крестьянство долго еще оставалось в том же рабском, приниженном состоянии. То *"барство дикое"*, о котором писал Пушкин, родилось в России не только благодаря опричнине, но благодаря и ей.

Итак, тот путь централизации через опричнину, по которому повел страну Иван Грозный, был гибельным, разорительным для страны. Он привел к централизации в таких формах, которые не поворачивается язык назвать прогрессивными. И потому было бы ошибкой считать прогрессивной террористическую диктатуру опричнины. Не только потому, что протестует наше естественное нравственное чувство (хотя, подчеркиваю, и это крайне важно), но и потому, что последствия опричнины отрицательно сказались на ходе отечественной истории.

Должно быть, это не случайно. Аморальные деяния не могут привести к прогрессивным результатам. История опричнины еще раз наглядно демонстрирует справедливость этой утешительной истины.